

Залкинд Арон Борисович

**Жизнь организма и
внушение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
А84

А84 **Арон Борисович З.**
Жизнь организма и внушение / Залкинд Арон Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 175 с.

ISBN 978-5-519-85601-0

Здравоохранение. Медицинские науки. Психиатрия. Психические болезни.
Психогенные реакции. Неврозы и психоневрозы

ISBN 978-5-519-85601-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ АВТОРА.

О гипнотизме в чистом его виде писалось и научно и популярно чрезвычайно много, достаточно богатая литература в этой области имеется и на русском языке (как переводная, так и оригинальная).

Связь явлений так называемого внушения с жизнью организма автор пытался развернуть шире и глубже, не ограничиваясь одной лишь чистой гипнологией. За последние десятилетия из гипнологии, исходя из того же основного, многообразного фактора — «внушения», но продвигаясь в значительной степени отличными от гипнологии путями, — возникла и пышно развилась целая новая медицинская дисциплина — психотерапия со своими особыми методами работы и вполне оригинальным клиническим материалом. Не развернуть эту новую систему психотерапевтических мер в книжке, посвященной именно так называемым психологическим воздействиям на организм, было бы нелепостью.

Далее, современное учение о рефлексах дает возможность по-новому истолковывать связи «психики» с физиологией, и упустить его в книге о влияниях «психизма» на организм никак нельзя.

Таким образом, следуя за современным научным состоянием вопроса о влиянии «психизма» на физиологические процессы [внушение — частность в этих влияниях, притом частность, органически переплетенная с целым и никак от него сейчас не отделимая], наша работа посвящается более широкой проблеме — анализу влияний так называемых психологических факторов на жизнь организма, не ограничиваясь одним лишь влиянием узко, по-старому, понимаемого внушения. Надеемся, читатель не посетует на подобное толкование нашего задания, тем более, что иного толкования, повторяем, при современном прогрессе научной мысли в этой области, быть не может.

Оговариваясь, что мы всюду высказываемся лишь о человеке, так как параллели с другими животными завели бы нас слишком далеко — в ущерб общему содержанию нашей работы.

Конечно, нельзя считать данной работой проблему о «психологическом факторе» хотя бы в малой степени исчерпанной, в частности особенно методические вопросы психотерапии [общую и частную технику, методы «психоортопедии» и т. д.]. Цель ее — попытка дать начальный синтез, начальную теоретическую увязку существующих психотерапевтических учений применительно: а) к современному состоянию психофизиологических знаний и б) к советским условиям. В первом разрезе имеющиеся сводочные работы страдают рядом дефектов: либо недоучитывают приобретений психоаналитической школы [Loewenfeld, Münsterberg, Thomas и др. *], либо, наоборот, слишком высоко оценивают роль психоанализа [Jones], и все они вместе совершенно не принимают во внимание учение о рефлексах. Что же касается учета специфических социальных, т.-е. и психических, условий советской современности, — все они, конечно, очень от последних далеки. Полагаем, что мы здесь отчасти восполнили эти дефекты. Углубить, детализировать проблему — дело дальнейшей работы.

29 ноября 1926 г.

* См. в конце книги список литературы.

1. ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВНУШЕНИЯ.

Революционная современность, ломающиеся социальные отношения, перекраивающиеся людские связи — настойчиво требуют пересмотра ряда научных вопросов, в особенности тех вопросов, которые непосредственно связаны именно с взаимоотношениями людей. Проблема так называемого внушения и является одним из самых острых вопросов подобного рода, так как само понятие «внушение» предполагает какие-то вполне, повидимому, определенные отношения между людьми, ставящие одних людей в положение *внушающих*, других — в положение *внушаемых*.

Можем ли мы, свидетели и активные участники современной коренной «перетасовки» в массах, — «перетасовки», оттолкнувшей от власти одних и давшей власть другим, — можем ли мы довериться господствующим до сих пор понятиям о внушении? Ведь резко изменились [хотя бы пока только в СССР, — но и Запад обнаруживает ту же тенденцию] позиции недавних «внушателей» и «внушаемых»: внушаемые начали внушать, и обратно. Имеем ли мы право думать, что столь социально ответственное дело, далеко классово не нейтральное дело, каким является внушение в человеческой жизни, осталось незамеченным и неиспользованным в классовом обиходе эксплуататорского строя? Имеем ли мы право думать, что в господствующих теориях внушения, порожденных и взлелеянных условиями вполне определенного классового господства, нет и тени заинтересованного влияния последнего? Классовое властвование, это — руководство людьми, внушение — один из далеко не маловажных методов руководства человеком, — допустимо ли предполагать, что столь бдительная, прозорливая буржуазия не заметила этой вкусной отрасли науки и не отметила ее своей печатью?

Ведь дети, которых мы воспитываем, и те дети трудящихся масс, которых воспитывает буржуазный Запад, должны быть по заданиям разных [у нас и там] господствующих классов раз

ными детьми. Ведь методы культурного влияния, методы сплочения масс тоже, понятию, по-разному должны истолковываться у нас и там, внушение же является одним из этих методов воспитания, культурного влияния, собирания масс. Очевидно, при анализе старого материала о внушении нам придется быть чрезвычайно бдительными, — скажем крепче — максимально недоверчивыми. Даже лечебное внушение — казалось бы, совсем нейтральная, «внеклассовая» мера влияния — требует самого пристального нашего внимания, так как социальная, классовая ценность продукта, вышедшего из рук внушающего [хоть будь последний субъективно действительно на все 100% нейтрален], претерпевает ряд небезынтересных для классовой борьбы изменений [о них ниже].

Итак, при подходе к проблеме внушения в прежней ее постановке — непрерывная бдительность, самая отточенная критика, постоянный классовый компас.

Но как нет солидарности в общественной жизни, так нет единства и в современных научных представлениях об одном из проявлений общественной жизни, о явлениях внушения. Существует много теорий внушения, резко противопоставляющихся одна другой, да и в оценке самого внушения, как орудия влияния, имеются различные точки зрения — от бесповоротного утверждения его абсолютной полезности до столь же абсолютного отрицания этой полезности, — мало того, вплоть до категорического признания за ним грубо вредного влияния. Найти наш водораздел в этом клубке мнений будет нелегкой задачей.

История человеческого общества наложила неизгладимый отпечаток как на методiku пользования внушением, так и на развитие теоретических обоснований его сущности. Вплоть до перелома проблемы внушения на научные основания, т.-е. вплоть до включения ее в состав одной из психофизиологических дисциплин — в состав так называемой гипнологии, вопрос о внушении проходил много разнообразных стадий. Внушением пользовались и владельцы самой отдаленной древности для укрепления своей власти; к внушению часто и настойчиво прибегали религиозные жрецы для сугубого подчинения себе своей паствы; внушение пускалось в ход и в обычном жизненном культурном быту для создания нужного житейского или культурного уклона; наконец к внушению прибегали и в медицине, как древней — знахарской, жреческой, так и позднейшей — полунаучной, затем и научной. Пользовались внушением как вполне сознательно, планомерно,

преднамеренно, так и «нечаянно», не осмыслив сущности этого фактора. Заслуга научного проникновения в содержание внушения, несомненно, должна быть главным образом приписана медицине: лишь эта область более или менее точного практического знания была заинтересована в углубленном анализе внушения, лишь она была в силах поставить анализ на пути отчетливого опытного контроля. Занималась научной проблемой внушения также и социальная психология, но эта общественная научная дисциплина, в современном и прошлом ее содержании, слишком густо пропитана заостренным буржуазно-классовым содержанием [«социальная», «внеклассовая» психология], чтобы серьезно считаться с ее выводами [игнорировать их тоже, конечно, нельзя].

II. ОСНОВНАЯ СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ ВНУШЕНИЯ.

В явлениях внушения самым поразительным всегда было изменение организма и личности человека под влиянием другого лица.

Для понимания сущности внушения безразлично, происходили ли эти изменения по воле внушаемого объекта или против его воли, с ведома ли или без осведомления его, с пользой или вредом для него. Важен лишь факт, что до влияния некоего нового лица [или лиц] организм, личность человека находились в ином состоянии, чем после этого влияния. Человек был угрюм, удручен, утомлен, вяло двигался, медленно говорил, туго думал, — встретился с другим человеком и после произведенного последним какого-то воздействия сделался веселым, подвижным, выносливым, разговорчивым. Принципиально продолжительность эффекта не существенна, важна лишь наличность самого эффекта, как непосредственного результата общения одного человека с другим. Человек страдает бессонницей, расстройством пищеварения, сердцебиениями, головными болями и другими биологическими неприятностями. Но вот он попадает под некое влияние другого человека и претерпевает поразительную метаморфозу: начинает спать, получает хороший аппетит, нормальный стул, сердцебиения и мигрени исчезают. Длительность этого эффекта, повторяем, безразлична, важно лишь, что эффект — результат некоего воздействия человека на человека. Бывает и обратное: радостный человек под воздействием другого делается грустным, здоровый — заболевает, при чем и то и другое происходит именно под воздействием человека на человека.

Однако всякое ли воздействие человека на человека, дающее тот или иной эффект, можно назвать внушением? Ведь если мы дадим больному лекарство или произведем над ним операцию*, мы этим тоже улучшим его состояние, при чем улучшение следует также в результате воздействия человека [хирурга, аптекаря] на человека [больного]. Будет ли это, однако, внушение? Очевидно, нет, так как между психическим взаимовлиянием двух лиц появился третий фактор — химическое средство [лекарство], хирургическое орудие [нож, пинцет, игла], — который и определяет собою целиком результат этого воздействия. Можно вполне представить себе [конечно, теоретически], что больной получает лекарство, не видя врача, т.-е. не общаясь с ним, не находясь под его непосредственным «психическим» влиянием, или подвергается операции чисто машинным способом, без непременно присутствия, т.-е. и психического влияния, хирурга, и это ничуть принципиально не умаляет лечебного значения проведенного мероприятия. Основной смысл последнего не во влиянии человека на человека, а в некоем третьем факторе — физическом, химическом, механическом вмешательстве в жизнь организма, — вмешательстве, в котором другой человек сам играет лишь служебную, подсобную роль [подает лекарство, держит нож и т. д.]. Такое вмешательство не есть внушение.

Следовательно под внушением следует понимать лишь такое властное вмешательство одного в жизнь другого, которое само по себе, без решающего третьего фактора**, дает эффект.

Годится ли, однако, и это определение внушения? Я не использую никакого третьего, постороннего фактора, — я пользуюсь лишь самим собою, своим телом, своими руками для воздействия на другого человека: например, я массирую, поглаживаю, бью его и вызываю этим, конечно, соответствующий эффект.

* Мы говорим здесь лишь о таком лекарстве [вроде ртути и 606 при сифилисе] и о такой операции [гнояного аппендицита и т. д.], которые действуют не через «психику» [есть, как увидим ниже, внушающие лекарства и операции], а непосредственно.

** При внушении в качестве орудия непосредственного внушения мы тоже можем пользоваться иногда третьим, промежуточным фактором [лекарство и пр.], но тут этот третий фактор играет уже сам служебную, подсобную к внушению роль, а не является тем решающим стимулом, который определяет собою весь процесс вмешательства, как мы это видели выше.

Можем ли мы такую процедуру тоже назвать внушением, тем более, что при ней основное заключалось не во вмешательстве третьего фактора, а именно в непосредственном моем влиянии? Ответ на этот вопрос оказался бы ничуть не затруднительным, если бы у некоторых работников в области внушения и до сих пор не сохранилось убеждение, что для процедуры внушения подобные поглаживания, легкие массирования обязательны (конечно, не побои, не грубый массаж), что они создают необходимое преддверие к состоянию внушения. Однако, эта точка зрения научно уже вполне опровергнута, — доказано, что как поверхностные, так и самые глубокие явления внушения вовсе не требуют этого вмешательства наших рук, — доказано, что поглаживания, пассы и пр. действуют не сами по себе, а лишь как частичное психологическое орудие все того же внушения, которое великолепно может обойтись и без этого орудия. Следовательно изменения у другого, вызываемые моими прикосновениями, массажем, побирами, тоже назвать внушением нельзя. Если я побью другого, — очевидно, я этим как-то изменю и его внушаемость, но все же самые побои назвать внушением нельзя. Таким образом на долю внушения остаются лишь те явления влиятельного общения между людьми, которые содержат в себе лишь какие-то более узкие, более специальные элементы этого общения.

Каковы же эти узкие, специальные элементы человеческого общения?

Человек общается с другим путем применения своей речи, своей мимикой, своими жестами, позой своего тела, — именно эти орудия специальной связи он пускает в ход для воздействия на другого человека. Можем ли мы все эти орудия человеческой связи, человеческого общения назвать также и орудиями внушения? Или, вернее, может ли быть названа внушением всякая наша речь, мимика, жестикуляция, поза, вызывающая физиологические и психологические изменения в другом человеке? Положим, я встретился с соседом, товарищем, поговорил с ними, успокоил их, — внушение ли это? Я привез другу радостное известие о том, что семья его жива, спаслась, — и бессонницы, головной боли, запоров его как не бывало. Внушение ли это?

Очевидно, даже в более узком понимании общения между людьми надо отличать содержание, в котором имеется внушение, от элементов, в которых внушения нет. Каковы же признаки этого различия?

Покойный русский гипнолог Ф. Е. Рыбаков пытался определить самую специфическую сущность внушения понятием: «эмоция постороннего влияния». Другими словами, всюду, где общение мое с человеком вызывает у него эмоцию, там же имеется и внушение! Эмоция, вызываемая мною у другого, делает его более восприимчивым по отношению ко мне, т.-е. и более внушаемым, — вот что выражает своей формулировкой Рыбаков. В этой формулировке имеется много грубейших дефектов. Во-первых, эмоция эмоции рознь. Если положительная эмоция, созданная мною у А, действительно может повысить его внушаемость в отношении ко мне, — при отрицательной эмоции, конечно, обстоит совсем не так. Отвращение, злорадство, ужас, вызываемые мною у А, Б, В, далеко не всегда способствуют увеличению их внушаемости в отношении ко мне. Наоборот, такая эмоция способна создать у них самую настойчивую и организованную сопротивляемость по адресу моих внушений. Далее, подведение всякой эмоции, создаваемой общением человека с человеком, под понятие внушения фактически превращает все общение между людьми в явления внушения, так как нет, конечно, такого общения, в котором не фигурировал бы в большей или меньшей степени эмоциональный элемент. Если в общении нет эмоции [т.-е. нет интереса, нет влечения — положительного или отрицательного], тогда нет и общения, так как для него не оказывается возбуждающих стимулов. Сводить же все общения людей к внушению, вернее, сводить внушение к обычному общению между людьми — это значит уничтожить проблему внушения, отнять у нее право на особое место в психофизиологии.

К сожалению, более четких попыток немного в науке о внушении. Граница между явлениями внушения и обычными процессами иного человеческого общения остается в значительной степени смутной и до сих пор. Знаменитый швейцарский психотерапевт проф. П. Дюбуа, пользуясь этой путаницей понятий, господствующей в современной гипнологии, подытоживая существующие формулировки, заявил, что все они определяют состояние внушения как состояние невольности или нарочито создаваемого человеческого поглубления, почему к внушению и не следует прибегать никогда. Имел ли он право высказать это категорическое утверждение? В самом деле, — в чем же, наконец, основное отличие явлений внушения от иных психофизиологических состояний, вызываемых человеческим общением?

Большинство существующих формулировок, если их скомбинировать, сводится к следующему *: а) внушение действует элементом неожиданности, неподготовленности, благодаря которой объект захватывается врасплох, неготовым, не может оказать противодействия внедряемому в него влиянию, так как для этого у него нет ни времени, ни предыдущего опыта; б) внушение действует через ослабление конкурирующих с ним других мозговых областей, в связи с чем и появляется особенно влиятельная, изолированная внушенная целеустремленность! Отсюда, кроме неожиданности, далеко не обязательной [конечно, неожиданность часто помогает этой изоляции внимания], — необходимость особо сосредоточенной установки на материале внушения и особо настойчивого отвлечения от конкурирующих влияний и влечений; в) внушение действует через резкое ограничение сознательной критики, благодаря чему особенно легко удается внедрение желательных влияний, не встречающих никакого критического отпора.

Все старые физиологические теории внушения фактически, лишь в иной терминологии, сводятся к вышеуказанным психологическим формулировкам.

Таким образом, если бы эти формулировки подтверждались действительностью, у нас были бы критерии для различения внушения от других продуктов человеческого общения. То, что захватывает человека врасплох, то, к чему он не вполне подготовлен, то, что он привлечен сейчас целиком именно к данной области, то, что он отдается последней без критики, — очевидно, все это и должно бы характеризовать собою специфическую сущность внушения. При таком определении нам сразу сделалось бы понятным, почему внушаемого повергают в сноподобное состояние [ограничение критики и уничтожение конкурирующих влечений], почему часть внушения, а иногда и все оно целиком, забывается [несвязанность его с прочим содержанием сознания] и т. д. Отсюда понятно, почему внушают в затемненной и бесшумной комнате [исключительное сосредоточение на внушающем], почему требуют — «поменьше мыслей, поменьше критики», «думайте о пустяках». При подобной формулировке мы сразу поняли бы, что обычная беседа с другом, разъясняющая ему судьбы его семьи, не есть внушение, так как эта беседа пользуется вполне ясным сознанием

* Детальный анализ отдельных формулировок не входит в нашу задачу (см. наше предисловие), мы даем лишь их сводку.

друга, приводит жесткие критические доводы, требует расширенного его внимания, опирается на весь его предшествующий опыт, т.-е. противоречит тем основным представлениям о внушении, которые даны в вышеуказанных формулировках.

III. СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ МЕТОДА ВНУШЕНИЯ.

Однако эти старые формулировки внушения претерпевают за последние 2—3 десятилетия катастрофические потрясения, при чем основным революционизирующим фактором в переоценке проблемы внушения была развившаяся из недр гипнологии так называемая широкая психотерапия*. Эта переоценка далеко еще не всеми психотерапевтами принята, но непрерывно растущие их уступки твердо говорят о неминуемой и полной победе нового течения.

Выяснилось, что для внушающего эффекта вовсе не требуется погружение объекта в сонное или сноподобное состояние, вовсе не требуется ограничение его критического контроля, вовсе не обязательно искусственное обрезание его сложных влечений. Развернулся, пышно расцвел особый метод внушения — внушение на-яву. Для успешности его требовалось лишь, чтобы объект внушения был способен понять внушающего, — и только. Ни особо затемненной комнаты, ни лежащего положения для этого внушения не требовалось. Взамен коротких, отрывистых и безапелляционных утверждений старой методики внушения новый метод — внушение на-яву — давал мотивированные раз'яснения, связывал их с прошлым опытом объекта, вовлекал в них и соседние области. Одним словом, новый метод совсем не избегал расширения и активизации критического сознания. Приверженцы этого метода утверждали, что эффект их воздействия не только не меньший, но, наоборот, гораздо более богатый, чем при старых гипнотических приемах. Последовательные работники этого «реформированного» внушения, в конце концов, должны были отказаться и от последних остатков внушающего метода, целиком опереться исключительно на вневнушающие, т.-е. критически-воспитательные способы влия-

* Психотерапия — наука о лечебном использовании психологического фактора.